

**You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: Semantika "vstreci" v prostranstvennoj modeli mira slovackoj skazki

Author: Margarita Nadel'-Cervin'ska

Citation style: Nadel'-Cervin'ska Margarita. (2011). Semantika "vstreci" v prostranstvennoj modeli mira slovackoj skazki. W: P. Czerwiński, E. Straś (red.), "Słowo i tekst. T. 3, Mentalność etniczna i kulturowa" (S. 63-77). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

W tradycyjnych tekstach *В традиционных текстах*

Маргарита Надель-Червиньска
Катовице—Сосновец

Семантика «встречи» в пространственной модели мира словацкой сказки

Мотив «встреча» обнаруживается в подавляющем большинстве текстов фольклорной европейской сказки¹. Более того, этот мотив представляется центральным как с точки зрения развития сказочного сюжета, так и с точки зрения моделирования сакрального текста как такового.

Рассмотрим его на конкретной словацкой традиции². Так, в тексте сказки о «Янко» (бедняке; сыне вдовы; пастухе овец — по найму на *три* года) и «змейке — невесте» (прекрасной — и страшной, смертельно опасной; дочери старого змея из леса). Именно «встречи» определяют здесь **развитие сюжета** и **развертывание модели** традиционной сказки:

1а. [Встреча со Смертью] (бедняка, отца).

→ 1) встреча неизбежная 2) неожиданная; 3) страшная; + *невидимая*.

1б. [Встреча с Бедой] (= Горем; = Нищетой; = Голодом; встреча с ними вдовы и сына пятнадцати лет³).

1) встреча неотвратимая; 2) неожиданная; 3) страшная; + *видимая*.

2а. [Искать работу, Хозяина] (= **искать встречи**, не знаю, с кем).

→ 1) встреча вероятная; 2) желаемая; 3) непредсказуемая; + *невидимая*.

¹ См. также у Проппа: В.Я. Пропп: *Русская сказка*. Москва 2005.

² J. Polívka: *Slovanské pohádky*. «Obris V Praze» 1932.

³ Традиционно для славян и европейцев в целом «жизнь человека» состоит из «семи семилетий», т. е. «семи жизней». Первое — это инициация ребенка, второе — инициация подростка, третья — инициация юноши (девушки), и т. д. «15 лет» Янко — это «семь + семь лет + один год», т. е. переход в новое качество — качество юноши. «15 лет + три года (службы = инициации) = 18 лет» (= готовность к браку).

26. Встреча со Старым Пастухом (**в лесу**; после месяца блуждания = поиски по лесам).
1) встреча внезапная; 2) долгожданная; 3) необходимая; + *видимая* (в неожиданном месте = месте юношеской инициации, в лесу).
- 3а. [Первая встреча с Неизвестным = Невидимым] (овцы испугались, разбежались; Янко плачет).
→ 1) встреча внезапная; 2) неожиданная; 3) непонятная = страшная; + *невидимая*.
- 3б. Первая встреча со Змеей (**чудесный дар**: вдвое больше овец; обет жениться).
1) встреча *невероятная*; 2) нежданная; 3) спасительная; страшная + *видимая*.
- 4а. [Первая встреча с Непредвиденным = Неизвестным] (что скажет Хозяин?).
→ 1) встреча очевидная; 2) ожидаемая; 3) непредсказуемая; + *невидимая*.
- 4б. Первая встреча со Старым Пастухом после дара (на дороге = опасное место; идет навстречу; похвалил → продал, выручка пополам).
1) встреча внезапная; 2) необходимая; 3) удачная; + *видимая*.
- 5а. [Назначенная встреча со Змеей] (страх Янко = **страх неизвестности**, ужас перед нечеловеческим).
→ 1) встреча неизбежная; 2) вынужденная; 3) непредсказуемая; + *невидимая*.
- 5б. [Несостоявшаяся встреча: Змеи нет] (забыл о ней → ее нет).
1) встреча невероятная; 2) нежелательная; 3) миновавшая; + *видимая*.
- 6а. [Вторая встреча с Невидимым] (**вспомнил** → **встретил**, что характерно для мертвого; овцы испугались, разбежались; Янко плачет).
→ 1) встреча внезапная; 2) неожиданная; 3) страшная; + *невидимая*.
- 6б. Вторая встреча со Змеей (чудесный дар; втрое больше овец; обет жениться).
1) встреча *невероятная*; 2) неожиданная; 3) спасительная (страшная); + *видимая*.
- 7а. [Пропуск встречи с Невидимым].
→ встреча *невидимая*.
- 7б. Вторая встреча со Старым пастухом после дара (ласковая: похвалил, продал овец, выручка пополам).
1) встреча неизбежная; 2) необходимая; 3) удачная; + *видимая*.
- 8а. [Третья встреча с Невидимым] (**страх, печаль**: → вспомнил → встретил; овцы испугались, разбежались).
1) встреча неизбежная; 2) вынужденная; 3) страшная (опасная); + *невидимая*.

86. Третья встреча со Змеей (**чудесный дар**; вчетверо больше овец; бери с собой → сделаюсь маленькой (улиткой); **условие**: держать за пазухой, спать не на перине — на тряпье)⁴.
1) встреча неотвратимая (как со Смертью); 2) нежелательная; 3) опасная (спасительная; решительная); + *видимая*.
- 9а. Третья встреча с овцами (**ждут** на дороге Янко).
→ 1) встреча внезапная; 2) предвиденная; 3) счастливая; + (*не*)*видимая*.
Предыдущие были невидимыми, эта видима, т.к. за пазухой — змейка и Янко приобщен к *невидимому*.
- 9б. Третья встреча со Старым Пастухом (беспокоился, **шел навстречу**; кричит-зовет Янко).
1) встреча неожиданная; 2) желательная; 3) счастливая; + *видимая*.
- 10а. [Встреча со Старым Пастухом на следующий день]
→ (продал овец, **выручка пополам**; дал расчет Янко-пастуху).
1) встреча обязательная; 2) необходимая; 3) удачная; = (*не*)*видимая*.
(Размытая в тексте).
- 10б. Встреча с Матерью (радость; ужин; **стлание постели** → лег на печи).
1) встреча внезапная; 2) долгожданная; 3) счастливая; + *видимая*.
- 11а. [Встреча Матери с Удачей = Богатством] (**не спит**, → думает о деньгах).
1) встреча внезапная; 2) нежданная; 3) удача (растерянность); + *невидимая*.
- 11б. [Встреча Матери с Красавицей = Змеей] (вдова как традиционно старое = мертвое = причастное мертвому (мужу) **видит невидимое**).
1) встреча *невероятная*; 2) непредвиденная; 3) непонятная = опасная = необъяснимая; + *видимая*.
- 12а. [Встреча с Неизвестным = Невидимым] (рассказ → Матери → **притворный сон** Янко).
1) встреча случайная; 2) неожиданная; 3) опасная; + *невидимая*.
- 12б. Встреча с Красавицей = Змеей (через сон = **сопричастность невидимому**, нечеловеческому).
1) встреча внезапная; 2) ожидаемая; 3) счастливая; + *видимая*.
- 13а. Встреча Красавицы = Змеи с Королем (в костеле; **без ответа**).
→ 1) встреча случайная; 2) непредвиденная; 3) опасная; + *невидимая* для Янко → *видимая* для Короля.
- 13б. [Беседа = встреча Короля с Мудрецом] (**совет**, как найти девицу).
1) встреча очевидная; 2) вынужденная; 3) удачная / опасная; + *видимая* (для Янко — по результатам).
- 14а. [Встреча Гусара = Солдата с Красавицей = Змеей] (**узнал** → в окне по портрету).

⁴ Ср.: в славянской паремиологии «пригреть на груди змею» = потенциального врага (= чужое, опасное, недоброе). «На тряпье» (= деструкция пространства времени (своего) родового) как продолжения времени юношеской инициации добрачного периода.

- 1) встреча случайная; 2) нежелательная; 3) роковая; + *(не)видимая* (увидел он, а потом — его).
- 14б. [Доклад (встреча) Гусара Королю] (Король рад).
1) встреча внезапная; 2) долгожданная; 3) счастливая; + *видимая* (по результатам).
- 15а. [Король (встреча) входит в дом Янко] (предлагает → жениться — **получает отказ**: уже есть муж).
1) встреча внезапная; 2) предвиденная; 3) опасная; + *(не)видимая* (= односторонняя встреча).
- 15б. [Беседа = встреча Короля с Мудрецом] (позвал — **получил совет**: за ночь засыпать пруд⁵ и взрастить виноградник).
1) встреча очевидная; 2) вынужденная; 3) удачная / опасная; + *видимая* (по результату).
- 16а. [Беседа = встреча Короля с Янко] (приказ = **трудная задача**). →
1) неотвратимая; 2) предугаданная; 3) безысходная (страшная) + *(не)видимая* (т.к. происходит в «пространстве Короля» = «чужом для Янко»).
- 16б. Встреча Красавицы = Змеи со Старым Змеем (просит помощи отца).
1) встреча внезапная; 2) преднамеренная; 3) удачная; + *видимая*.
- 17а. [Беседа = встреча Короля с Янко] (**трудная задача** → выполнена).
1) встреча неизбежная; 2) нежелательная; 3) удачная / неудовлетворившая; + *(не)видимая* (в чужом пространстве).
- 17б. [Беседа (встреча) Короля с Мудрецом] (**получен совет**: срыть в ночь гору⁶ — взрастить поле).
1) встреча очевидная; 2) вынужденная; 3) удачная / опасная; + *видимая* (по результату).
- 18а. [*Пропуск* беседы Короля с Мудрецом] (третий совет). → Невидимая.
- 18б. [Беседа = встреча Янко с Королем] (третья **трудная задача**: явиться на пир с женой и ее отцом, Старым Змеем из леса).
1) встреча неизбежная; 2) нежелательная; 3) опасная (страшная) + *видимая*.
- 19а. [Встреча = Беседа Янко с Красавицей = Змеей] (она → плачет: невыполнимая задача).
1) встреча обязательная; 2) необходимая; 3) непредсказуемая; = *(не[?])видимая* (с точки зрения развертывания текста далее).
- 19б. [Встреча Красавицы = Змеи со Старым Змеем] (в лесу; просит помочь → отец Красавицы ставит условия Королю — как отец невесты).

⁵ Пруд с водой = женское родовое, стимуляция мужского продуктивного (засыпать = уничтожить). Виноградник (кисть, гроздь, ягоды, вино = сила) = мужское продуктивное, активное к женскому. (Традиционные представления европейцев).

⁶ Гора = мужское креативное, активное (фаллическое), стимулирующее женское продуктивное. (Срыть = уничтожить силу мужского родового). Пшеничное поле (заборонить, засеять, взрастить, сжать, смолоть, выпечь хлеб) = женское продуктивное, многоплодное. (Традиционное представление).

- 1) встреча внезапная; 2) вынужденная; 3) непредсказуемая (удачная); + видимая.
- 20а.** [Встреча = беседа Янко с Королем] (передает условия → Змея; получает отказ = смех).
1) встреча обязательная; 2) вынужденная; 3) опасная; + (не)видимая (с точки зрения результатов).
- 20б.** [Встреча = пир] (приезд Старого Змея и Янко с невестой).
1) встреча *невероятная*; 2) необходимая; опасная; + видимая.
- 21а.** Встреча = результат: Старый Змей = Смерть [ударом] → загоняет Короля под землю.
1) встреча неотвратимая; 2) желанная; 3) страшная; + невидимая (как встреча = смерть).
- 21б.** Встреча (коронация) Янко-пастуха (по исчезновению Змея = Смерти).
1) встреча внезапная; 2) нежданная (вынужденная); 3) опасная (счастливая для Янко); + видимая (как результат).

Как видим, именно мотив «встреча» развертывает традиционный текст данной сказки (сакральную модель юношеской инициации): «жена из лесного дома», «змея = невеста из леса», а также «невеста = подруга до брака»; «три года службы» у «Хозяина из леса» — мотивы инициации в «мужском (уединенном, лесном) доме». То же самое, на другом этапе, — «служба королю» (тоже «жениху»). «Трудные задачи» исходят не от «родных невесты», а от иницирующего «чужого» (= короля = мага-мудреца).

Собственно «встречей» в тексте являются 2б, 3б, 4б, 6б, 9б, 10б, 13а, 16б, 19б, 20б; и несколько **условно** являются — 7б, 9а, 12б, 14а... Все остальные «встречей» как таковой не являются, но семантически значимы для развертывания текста именно как «встречи».

Например, «встречи со смертью» или «встречи с невидимым» (неизвестным и страшным). С точки зрения фольклорной традиции, в контексте мифологических представлений о «видимом» и «невидимом» (двух составляющих объемной «модели мира»), «встреча» — это *всегда контакт невидимого и видимого* (= «того и этого» = «чужого и своего» = «мертвого и живого» = «нечеловеческого и человеческого» = «субъекта того света и субъекта этого света»).

При этом *контакт = встреча* может состояться, а может *миновать* (не состояться, пройти мимо). Однако и во втором случае мы будем иметь дело с традиционным знаком контакта «живого /(//) мертвого» — со «встречей». Это будет своего рода маркирующий знак, отмечающий ступени динамического развития сюжета сказки и этапы развертывания сакрального текста. Наглядный пример тому — описание конкретной словацкой сказки.

Задержимся еще на данном тексте. «Контакт = встреча» может быть «видимым» для субъекта самого текста (в нашем случае это будет *б* каждого номера-ступени) или «невидимым» (*а* каждого номера). Можно предположить, что *параллелизм* «невидимых» и «видимых» «контактов = встреч»

есть не общетрадиционная закономерность, а частное — специфика нашего сакрального текста. Тем более, что параллельность «видимого» и «невидимого» плана свойственна обрядам любой ступени инициации, т.к. иницируемый всегда подвержен воздействию «невидимого» (нечеловеческого), иницирующего его «смертью» и «мертвым (родовым)» — с одной стороны, и воздействию «видимого» (человеческого), иницирующего его «силой жизни» (коллективного родового).

В то же время очевидность общего для фольклорной традиции (и традиций) параллелизма «контактов невидимых» и «контактов видимых» вытекает из мифологических представлений древних (в том числе славян) об общей «модели мира» — в ее объемности, целостности и полноте. Из них, этих представлений, следует то, что «видимое» (мир; человеческое) всегда **вписано** в «невидимое» (объективное нечеловеческое: как Земля в атмосферу, Вселенную, как Вселенная — в Космос). И следует также то, что *внутренней* сутью, или сущностью, «видимого» (мира и человеческого) является нечто «невидимое» (а именно: мертвое человеческое, мертвое родовое), повторяющее внешнее (человеческое и мир) и параллельное ему.

Соответственно, «невидимое внешнее» //(/) «видимое внутреннее» = «видимое внешнее» //(/) «невидимое внутреннее», где «видимое внутреннее» (для первой мифологической парадигмы) есть «видимое внешнее» (для второй парадигмы) и суть одно.

Отсюда парадигма «контакт невидимый //(/) контакт видимый» (в контексте мифического взаимодействия «невидимого нечеловеческого» и «видимого человеческого») есть парадигма общетрадиционная. Она лежит в основе моделирования каждого сакрального текста — от *сказки, песни до пословицы, загадки*, как заложена в моделировании любого *обряда и культового действия* в целом.

Если проявление парадигмы «контакта (встречи)» есть проявление переходного момента в развертывании самого сакрального текста, то количество парадигм-«ступеней развертывания» семантически значимо для структуры текста и дает нам право — в соответствии с традиционными смыслами «чисел» — соотнести тот или иной текст по количеству парадигм-«ступеней» с тем или иным обрядом, или моментом обрядового цикла. Очевидно так же количество парадигм-«параллелизмов» значимо для семантического развертывания текста обрядовой песни.

С этой точки зрения «двадцать одна» ступень сказки о «Янко — пастухе овец» есть традиционное «**число** смерти (для Короля) //(/) **удачи** (для Янко)», «число *полноты жизни* человека», в данном случае — *полноты невидимой жизни* (Янко) = «жизни иницируемого» (или — жизни в смерти = инициации). При анализе данного текста ступень 20 и ступень 21 можно рассматривать (и видимо должно) как **одну** ступень — собственно «ступень 21», т.к. между нашими ступенями 17 и 18 явно присутствует «невидимая

ступень» (истинная — восемнадцатая, предполагающая смещение нумерации ступеней на один номер):

[18] [Беседа = встреча Янко с Красавицей = Змеей] → [Встреча Красавицы = Змеи со Старым Змеем].

Тем самым «двадцать одно» по-прежнему есть *число парадигм* (встреч = контактов) данного текста, т.е. **число** парадигм юношеской «добрачной инициации (мужского родового)».

Обратимся за примерами к другим текстам словацкой сказки. Итак, еще один текст — сказка о «Доброй Марушке» и «Двенадцати Месяцах». Здесь «контактов» (парадигм) немного, и первая из них «невидимая»:

[1а. Встреча Доброй Марушки со Смертью Матери] → 1б. Встреча Доброй Марушки со Злой Мачехи и ее Дочери.]

Традиционно «зло = проявление силы смерти» и деструктивно в отношении «силы жизни (живого)». Последующие три парадигмы-ступени развертывания текста — это «три (невыполнимые) задачи»: 1) достать в январе «фиалок»; 2) достать в январе «ягод»; 3) достать в январе «яблоко»:

2а. Встреча Доброй Марушки с Двенадцатью Месяцами (на горе, у костра сидят на камнях; помощь Марта). → 2б. Встреча Марушки с Мачехой и Злой Оленой. Противопоставление: встреча *доброжелательная* / встреча *злая*.

Или выделим следующие ступени развертывания традиционного текста-сказки:

[2а. Марушка — Мачеха и Олена (посыл в лес). → 2б. Марушка — Январь (помощь).

3а. Марушка — Март (расцвели фиалки). → 3б. Марушка — Мачеха и Олена (сами нюхают, ей не дают → вдыхают «силу жизни»)].

3а. Встреча Доброй Марушки с Двенадцатью Месяцами (помощь Июня). → 3б. Встреча Марушки с Мачехой и Оленой. (*Добро* / *Зло*).

Или же:

[4а. Марушка — Мачеха и Олена (посыл в лес). → 4б. Марушка — Январь (помощь).

5а. Марушка — Июнь (зреют ягоды). → 5б. Марушка — Мачеха и Олена (едят красные ягоды = силу жизни; сами едят, а ей не дают)].

4а. Встреча Доброй Марушки с Двенадцатью Месяцами (помощь Сентября). → 4б. Встреча Доброй Марушки с Мачехой и Оленой. (*Добро* / *Зло*).

Или же:

[6а. Марушка — Мачеха и Олена (посыл в лес). → 6а. Марушка — Январь (помощь = уступает свое место и время).

7а. Марушка — Сентябрь (берет два яблока по его указке). → 7б. Марушка — Мачеха и Олена (съедают сами яблоки = силу жизни родового (женское — живородящее и продуктивное), ей не дают — ругают, что мало взяла яблок)].

5а. Встреча Злой Олены с Двенадцатью Месяцами (сама пошла — набрать много яблок). Зло = грубость Олены (*Добро* = наказание Метелью = смертью). → Несостоявшаяся встреча Мачехи (и Марушки) с Оленой (не вернулась, не принесла яблок: Мачеха пошла за ней — сама замерзла в лесу).

Или же:

18а. Марушка — Мачеха и Олена (недовольны). → **8б.** Олена — Январь (наказание за грубость, невежливость).

9а. Олена — Метель. → Олена — Смерть.

10а. Мачеха (нет Олены) — Метель. → Мачеха — Смерть].

6а. Встреча Доброй Марушки со Смертью (Злой Мачехи и Олены) = избавление от Зла = силы мертвого = чужого родового, деструктивного для Марушки. → Встреча Марушки с Красивым Парнем (жених → брак, удачный).

Или же:

11а. Марушка — Смерть несвоего (Мачехи, Олены) → 11б. Марушка — Богатство (свое добро: дом, коровка, садик, лужок → пространство своего родового).

12а. Марушка — Красивый Парень (жених, судьба). → 12б. Марушка (с Красивым Парнем) — Любовь (мир, счастье, брак)].

С точки зрения традиции, «шесть» (парадигм-ступеней развертывания текста) значимы как «совершенство и завершенность жизни (человеческой и нечеловеческой)»; «двенадцать» значимы как развертывание традиционного «круглого года» (12 ступеней = 12 месяцев). Однако модель «шесть» не противоречит модели «двенадцать»: вполне возможно, что они *одновременно* присутствуют в тексте сказки и равнозначны для его развертывания, первая (шесть) — на уровне «видимого», «человеческого», «пространства живого» (и во «времени жизни» человеческого), а вторая (двенадцать) — на уровне «невидимого», «нечеловеческого» (природы), «пространства неживого (мертвого нечеловеческого)» (и во «времени жизни и смерти» объективного «круглого года»).

Здесь «6» и «12» соотносимы также как **частное** и **целое** (лето жизни / (//) круглый год), как «полугодие» и «год» (единство зимы и лета; весны и осени). Причем «шесть» в нашем тексте *число двойственное (жизнь / смерть)* и одновременно *раздвоенное*: «три» (продуктивные встречи; Марушка — Март; Марушка — Июнь; Марушка — Сентябрь) и «три» (непродуктивные встречи); Марушка — Смерть родителей; Олена и Мачеха — Январь = Смерть; Марушка — Смерть Несвоего, Мачехи и Олены). Противопоставление «три» (как ось = время *жизни*) / (//) «три» (как ось = время *смерти*).

Для понимания сакральной семантики данного текста добавим, что «январь» значим в традиции как «месяц апогея Мертвого Солнца» (или — солнца мертвых; солнца = смерти живого; холодного (ледяного) солнца =

солнца деструктивного пространства Зимы). «Март», «июнь» и «сентябрь» значимы как «месяцы празднования начала года» (трех лет в круглом годе = оси круглого года = жизни, жизни мира и человека).

Текст настоящей сказки в европейской традиции всегда соотносился с «Новым Годом», т. е. рассказывался на «Новый Год» (посылы Марушки в лес происходят, очевидно в «прорыв времени года» = «полночь» 31 декабря / 1 января) и относится к обрядовому циклу «святки» (момент «Васильев вечер») как **моделирующий** сакральное «пространство и время *времени* года = жизни» (Круглого Года Наступающего)⁷. С точки зрения девической инициации (инициации молодого женского, родового, продуктивного), «фиалка» значима как «женское незрелое» (инициируемое старшим, женским родовым; запретное и желанное для мужского), «ягода» — как «женское созревающее» (инициируемое сверстниками и мужским родовым во время практики добрых игр молодежи), «яблоко» — как «женское молодое зрелое» (готовое к браку и продуктивное).

Интересно сопоставить также семантические комплексы «термов» данного текста сказки (в понимании В.Я. Проппа⁸): «умершие родители» как нечто «мертвое», «прошлое», относящееся к «пространству-времени Старого Года»; *раньше* умершие, ср.: с «Рождества» (25 декабря) начинается «невидимый (тринадцатый) месяц года», он длится «13 дней» (до Крещения, 6 января); в «святки» души умерших (чужое мертвое) ищут новый дом для вселения: «мачеха с дочкой» пытаются выгнать «Марушку» из ее «родительского дома» (мертвое вытесняет живое = душу из тела). «Смерть Мачехи и Олены» = «смерть мертвого» и значима как «возврат мертвого мертвому» (неуспокоенных душ — пространству Смерти и Зимы). Одновременно, в контексте инициации «молодого женского добрачного», аналогичное **вытеснение** значимо как замещение в «доме = теле невесты» «мертвого ее рода» «живым рода жениха». Текст данной сказки может быть прочтен также в контексте «солярного мифа» и на других уровнях дешифровки — в разных ключевых кодах семантического языка словацкого фольклора.

Но вернемся к проблематике нашего исследования. Итак, с полной вероятностью можно заключить, что парадигма «контакт (встреча) невидимый» // (/) «контакт (встреча) видимый» как парадигма, развертывающая сюжетную и структурную модели текста сказки, есть парадигма общетрадиционная и выходит за пределы одной конкретной культуры. Но не обязательно, чтобы в каждом тексте обе части парадигмы «контакт = встреча» были явно и одинаково проявлены: одна часть (как правило «невидимая») может быть *опущена*, сюжетно *затемнена* (недостаточно проявлена); возможны также сюжетные **стяжения**, или стягивания, и **умолчания** (предельная сакрализация тра-

⁷ См. в частности: В.Я. Пропп: *Русские аграрные праздники*. Москва 2000.

⁸ См.: Его же: *Морфология сказки*. Ленинград 1928; Его же: *Исторические корни волшебной сказки*. Ленинград 1986.

диционного смысла — бытового и обрядового, а отнюдь не для краткости и не по незнанию информанта; в случае последнего — при записи текста обнаруживаются вербальные показатели пропусков, реставрация которых с должной вероятностью возможна). Ср.: в первом тексте 1а и б, 2а — сюжетное затемнение; 7а и 18а — опущения; 20б, 21а и 21б — умолчание и стяжение (либо — между 17 и 18). Однако знак (маркировка) «встречи = контакта» и здесь ощутим. Собственно, в любом случае мы имеем не 1а и 1б, а 1а //(/) 1б; и т. д. от номера к номеру. То же и во втором тексте.

Тем самым, в любом случае (и сакральном тексте) мы имеем парадигматический знак «контакта = встречи невидимого //(/) видимого» — в *двуединстве* (контакт невидимого → //(/) → контакт видимого) или *двойственности* (контакт невидимого → //(/) контакт видимого; с последующим: контакт невидимого //(/) → контакт видимого). «Невидимое» (мертвое родовое; нечеловеческое — тотемное, божественное) всегда будет инициатором «контакта (= встречи)».

В том случае, если в тексте *инициатива* «контакта» принадлежит вроде бы субъекту «видимого» (человеку), или «контакт **внезапен**» (ничьей инициативы вроде бы нет), — *инициатива* субъекта «невидимого» просто скрыта от непосвященных, не проявлена и неявна. Однако, тем не менее, она существует и обусловлена традицией.

Обратим внимание на то, что, анализируя первый конкретный текст (сказка «Янко-пастух и змея = невеста»), мы постарались дать модальную характеристику каждого знака «контакта (= встречи)». Как видим, с точки зрения модальности их можно описать по трем параметрам: 1) **вероятности**, 2) **желательности**, 3) **результативности**. «Встреча» может быть *моментальной* (вдруг; внезапно; вот) и *протяженной* во *времени* (к которой готовятся сознательно, независимо от ее желательности и степени опасности).

Тем самым специфические «растяжимость» или «сжатость» момента «контакта» во **времени** свидетельствует о сопутствующих ему **смещениях** во «*времени* мифическом», о **взаимопроникновении** «времени *мертвых*» во «*время живых*» и наоборот — **взаимопроникновении** «времени **жизни**» во «*время смерти*» (человеческого — в нечеловеческое).

«Контакт (= встреча)» в любой фольклорной традиции (что подтверждает и материал словацкой) всегда становится **прорывом** (или **пробоем**) уже **пространственным**. Это значит, что всегда существует некое *отмеченное* «место контакта», не важно при этом — *возможного* или *невозможного* (это — дыра в небе; прорубь во льду; нора; пещера; провал в земле — куда, например, Старый Змей скидывает Короля); лестница = стебель = дерево = путь вверх; веревка = нитка = ущелье = луч = колодец = путь вниз; и проч.).

Пространственные вторжения в мир «иной», перенесения (на расстояния) при помощи «чудесных предметов» (даров невидимого = нечеловеческого = мертвого), **искажения** мира «этого» (хижина → дворец; могила → дом;

город → дремучий лес; веселый пир → кладбищенское запустение; красавица → уродина) сопряжены с традиционными «провалами времени»: вернулся на землю — как миг прошел (все то же, ничего не изменилось); вернулся домой — камня на камне не осталось (прошло 100... 300 лет); проснулся — себя не узнает, не поймет, где это он; умер → ожил; пропал → нашелся.

«Место контакта (= встречи)» может быть отмечено как «страшное» (зловещее, тотемное; незнакомое, невиданное), как «опасное» (безлюдное, пустынное; перекресток, дорога; кладбище, у одинокой могилы), как «странное» (двойственное; изменчивое, блазнящее), как «притягивающее» (желанное, манящее, обманчивое = мираж), как «запретное» (комора, комната, чулан, погреб, дверь — нельзя открывать; замок, город, лес — нельзя ходить, не вернуться; бочка, ларь, кастрюля (горшок), зеркало — нельзя заглядывать; уздечка, клетка, конь, меч, хлеб, платье, вода, пирожки, яблоко — нельзя касаться, брать, есть, — пить; запрет на работу, либо какое действие — прясть; есть, оборачиваться, пугаться, отвечать, смотреть на...; запрет на одно из нескольких).

Ср. в словацком тексте (первом) *отмеченность* «мест возможного контакта: дом вдовы — обособлен (в деревне)»; пастух живёт в лесу, пасет овец — в лесу, встречается на дороге; змея = невеста и отец = старый змей живут в лесу; хижина матери — дворец с хлев; виноградник должен вырасти на месте *засыпанного* озера (лишенном воды = женского продуктивного); а хлеб — на месте *скрытой* горы (лишенном силы мужского продуктивного) и т.п. Характерно, что «место контакта» предполагает, как правило, «контакт мужского и женского» (своего или своего / несвоего родового), либо делает его **возможным** здесь — в данном фольклоре.

С точки зрения *отмеченности* «мест контактов (= встреч)» рассмотрим текст третьей сказки словаков, о «безрукой девушке».

«Мельница» (место на отшибе; у воды реки; около нее обычно *омуты* = *черти водятся*) = «страшное место» (нечистое; очарованное — ноги сами на мельницу ведут; блазнящее и обманчивое). → «Мельник» = имеет отношения к «нечеловеческому», дружит с «водяным»; ему «черт помогает (служит)»; «ведун» и «колдун», «знахарь» (может *сглазить*, наслать *порчу* → его почитают, с ним советуются, приглашают на свадьбы (чтобы не испортил молодых); первый человек на деревне, ср.: как «кузнец», «плотник» (колесник), «судья» и выборные чины, т. е. «старшие»).

«Дочь мельника» — традиционно «дочь мага», наделена «силой магического знания» (= завидная невеста). «Жена мельника» = «черт (в юбке)» = «ведьма», коварна и глазлива, изводит падчерицу.

Отсюда можно вывести для данного текста традиционной сказки следующие структурно-семантические модели:

1а. Встреча со Смертью (мельничихи), → **1б.** Контакт (опасный) с Нечистым (Мачеха → женился на черте = на ведьме).

2а. Дочь Мельника — Старик Нищий (выпросил муки; нарушен запрет отца: мука = родовое сакральное; молоть муку — брачное, эротическое). → **2б.** Встреча Дочери с Мельником (и Мачехой, вернувшимися со *свадьбы*; увидели рассыпанную вокруг мельницы муку; кара — *отрубленные руки*; ср.: ладони (в горсти) = женское молодое, готовое к браку, открытое для мужского).

«Нищий», «старик», «первый встреченный», «путник», «странник» значимы в славянской традиции как «гость (с того света)», «мертвое (своего или несвоего рода)», возможно «непогребенное» (неуспокоенное = опасное, агрессивное, деструктивное для живого). Его должно приветить, ублажать, кормить-поить, ему нельзя перечить, чтобы не рассердить. «Мертвому» свойственно «поглощать живое», т. е. «силу жизни» (= силу мужского продуктивного родового).

То, что «старик» в конце текста соотносим с «уединенным лесным домом» (дворцом), где *помогает* той же «дочери мельника», указывает на его функции «родового старого, иницирующего женское» (очевидно, цикл «третьего семилетия» в инициации девушек).

Следующее *отмеченное* «место контакта (= встречи) в тексте» — это «королевский сад» (сад рода жениха: большой, высокая и густая трава (мертвое родовое — принимает девушку под свою защиту); деревья с плодами: продуктивное родовое (груши = мужское; яблони = женское; отцовское / материнское); принц = юноша брачного возраста, завершающий добрачную инициацию молодого мужского).

Мотив «порча садовых плодов = украденные яблоки, груши», ср.: «потрава поля (= родового по женской линии; материнской: плоды = по мужской линии; отцовского родового)». По отношению к «саду принца» «безрукая девушка» является «чужим родовым», т. е. «опасным», «мертвым» и деструктивным. «Отрубленные руки» как знак «отмеченности мертвым = нечеловеческим» (традиционно: больной = носитель смерти = опасен живым). «Девушка *невидима*» (появляется утром // вечером = в сумерках, не при свете дня; прячется от живых, хозяев сада, в высокой траве, под деревом).

Одновременно — здесь мотив «девушка в мужском доме» (тайная невеста = тайная (= чудесная) жена; улетающая, исчезающая, забываемая, изгоняемая, неузнаваемая и проч. — по завершению мужской инициации юноши). Т. к. у нас в тексте этапы «инициации девушки» (добрачной), то ее «попадание в сад» (место мужского сакрального несвоего рода) равнозначно «приобщению мужскому родовому» (в доме юношеской инициации — девушка = сестрица для всех мужчин дома).

3а. Дочь Мельника — Принц и Король (ее не видят; встреча *невидимая*). →

3б. Дочь Мельника — Принц и Король (с Королевой; встреча *видимая*, состоявшаяся → свадьба = тайный (от отца) брак девушки в мужском доме).

Для развертывания сакрального текста сказки характерно то, что вторжение «безрукой девушки» (= опасной для мужского родового) повлекло дальнейшее «нарушение замкнутости и *защищенности* родового *пространства* принца» (= сада мужского рода). В этом традиционном контексте возникшая угроза «войны» (= опасность массового уничтожения = деструкции мужского родового, королевского семени) соотнесена с «опасностью» деструкции «женским другого рода», т.е. с «опасностью мужского родового (рода мужа) со стороны *плода* в материнском *чреве* (рода жены)». Отсюда в том же, но уже «не защищенном от мертвого месте контакта (= встречи):

4а. Встреча с Неведомым (плод во чреве // объявление войны; весть = письмо). → **4б.** Встреча Принца с Опасностью Смерти (на войне).

5а. Король — Дитя (сын) Безрукой Девушки (встреча с новой жизнью). → **5б.** Король — Солдат (посыл письма принцу).

Снова «мельница»:

6а. Солдат — Мачеха (и Мельник; подпоила, подменила письмо: родила не сына — пса). → **6б.** Солдат — Принц (передача письма — посыл ответа Королю-отцу).

Здесь «поле битвы» значимо как «место опасное, страшное» (в любой момент возможна «встреча со смертью»), как «место мужской инициации» (*отмеченное* место проверки мужского зрелого на истинность / ложность мужской силы, силы воина).

7а. Солдат — Мачеха (и Мельник; подпоила, подменила письмо: выгнать безрукую и ее сына). → **7б.** Солдат — Старый Король и Старая Королева выполнили (нехотя) наказ.

Они привязали дитя к груди безрукой и пустили куда глаза глядят; ср.: тело без рук (живородящее женское) = бочка; пустить по морю, отпустить на волю волн: море = пространство времени (деструктивно / креативно); волна (имеет начало и конец; направлена — в хаотичном движении) = отрезок времени жизни в смерти.

«Река» как *отмеченное* «место контакта (= встречи)» (живого / мертвого; того света / этого света *рубевж*; здесь: **рубевж** между родовым пространством «принца» (мужского женихова) и родовым пространством «безрукой» (женского невестина; или мужского невестина?); река = поток жизни (во смерти); мертвое родовое, деструктивное для живого, но возвращающее девушку (мертвую = без рук) к жизни (дает ей руки); ср.: вода *мертвая* / вода *живая*). Парадигма «левое» / (//) «правое».

За *рубевжом* «реки» (на *том* берегу: однако только для принца — на том, для девушки же — на этом; как оппозиция «несвое» / «свое») — «лес» (большой; ср.: большой сад), в нем — «замок» (заброшенный; = одинокий дом) = *отмеченное* «место контакта (= встречи)» с «мертвым»; «нечеловеческим», «родовым тотемным», **место** инициации молодого женского предбрачного (мужским ее рода — сильным и опытным: деревья леса и старик = магическая сила):

8а. Дочь Мельника (с сыном) — Неведомое (опасность леса и замка; безлюдное место). → **8б.** Дочь Мельника (с сыном) — помощь Неведомого (в замке — постель, еда, питье; защищенность от вторжения чужого, несвоего).

Снова пространство «королевство» (сад, дом принца):

9а. Принц — Король и Королева (вернулся с войны, удивился → встреча с неожиданным: нет жены). → **9б.** Принц — новость (подложные письма = встреча с неожиданным = встреча с горем).

Отмеченное «место» (места) контакта (= встречи): стал *бродить по лесам* (охотиться; ср.: искать, не знаю чего; пытаться судьбу; искать встречи с опасностью = со смертью; искать смерти → безлюдное, пустынное место = место мертвое и место мертвых; одиночество = жизнь в смерти и мертвое в живом); причем «дерево» (высокое) традиционно значимо как «ось времени» (время времени) в «пространстве времени» (**время** инициации = лес(а) как **пространство(а)** времени смерти, предшествующего возрождению во времени жизни, или новом качестве инициированного).

10а. Принц и Егерь — Неведомое (замок в лесу; женщина с сыном — вылитая жена принца). → **10б.** Егерь (и спящий Принц) — Женщина с сыном (поправить руку спящему отцу; для «егеря» эта *встреча видима*, т. к. он является «оператором смерти = охотником» и «мертвым — в мертвом (чужом)»; «принц» же (мужское в женском: муж в доме жены) является «живым» (= мужская сила) в «мертвом» (= сила и пространство женского), а потому «не видит»).

Второй раз в «замке»; ср.: *первый раз* = войти в мертвое; *второй раз* — стать своим = испытать мертвой воды; *третий раз* — испытать живой воды. Отсюда «невидимое» (для принца) становится «видимым», а «жена тайная» (невидимая = мертвая) — «женой явной» (видимой = живой; настоящей, т. е. была женой в смерти (пространства и времени инициации), стала *женой в жизни*):

11а. Принц и Егерь — (Тайная) Жена с Сыном → **11б.** Принц (спит) и Егерь (видит) — (Тайная) Жена с сыном (поправь руку отцу...).

И третий раз в «замке»:

12а. Принц и Егерь — (Тайная) Жена с Сыном → **12б.** Принц (бодрствует) — (Тайная) Жена с Сыном (поправь ногу отцу; → узнавание = встреча видима).

12а. Возвращение в «замок принца» = встреча Обретенной Жены (и Сына = наследника). → **12б.** Встреча (= обнаружение правды с письмами) — казнь Мельничихи (→ счастливый брак).

Анализ данного текста наглядно демонстрирует **взаимопроникновение «пространств жизни и смерти**», а также «времен живого и мертвого» в контексте *переходных* состояний (обрядов инициации разных уровней) и маргинальных состояний (т.е. требующих восполнения: для живого это

— сакральная сила родового мертвого; для мертвого это — деструкция родового живого с целью поглощения силы жизни и насыщения смерти = мертвого родового новыми смертями = деструкцией живого родового; ср.: смерть ненасытна, прожорлива и всеядна).

Если рассмотренный нами «контакт» есть «пространственный прорыв = вторжение», то интересно будет сопоставить его, впоследствии, с традиционными возможностями «пространственного контакта = перемещения» и «контакта = пространственного искажения».

Margarita Nadel-Czerwińska

Semantyka „spotkania” w przestrzennym modelu świata bajki słowackiej

Streszczenie

W kategoriálním kontekście przestrzeni tradycyjnego modelu świata znaczące miejsce zajmuje spotkanie. Tradycyjny (folklorystyczny) tekst bajki ludowej zawsze konstruowany jest według wspólnych dla różnych kultur zasad modelowania świata (mitycznego). W strukturze tekstu bajki spotkanie jest jednocześnie określeniem wyznaczanego momentu czasowego (kiedy ono się odbywa) oraz wyznaczanego miejsca przestrzeni (gdzie ono się odbywa). Moment spotkania w bajkowym czasie i miejsce spotkania w bajkowej przestrzeni są motywowane mitologicznie i zazwyczaj w sposób jednoznaczny. Od tego, gdzie i kiedy odbywa się to wydarzenie znaczące dla rozwoju tekstu bajkowego, zależy wartość semantyczna tego ostatniego odniesiona do postaci — uczestników tego spotkania. W artykule omawiana jest tradycyjna struktura rozwijającego się stopniowo, etapami tekstu folklorystycznego — bajki słowackiej. Kolejnymi „krokami” w rozwijaniu tekstu stają się spotkania pełniące funkcję znaczników.

Margarita Nadel-Czerwińska

The semantics of “encounter” in the spatial model of world of Slovakian fairy tale

Summary

In the categorical context of traditional model of world a significant place is occupied by the encounter. The traditional (folkloric) text of a folktale is always created according to, common for various cultures, rules of forming the featured (mythical) world. Inside the folktale text structure the encounter simultaneously indicates the time-point (when the encounter takes place) and the point in the space (where it happens). The very moment and place of the encounter in the fairy-tale time and space are mythically, and more often than not – precisely, motivated. From where and when of the event significant for the fairytale text development stems the semantic value of the latter referred to the characters – the participants of the encounter. In the paper there is discussed the traditional structure of gradually, stage by stage, developing folkloric text – Slovakian fairy tale. The subsequent “leaps” in development of text are encounters which stand for markers.